

КИБЕР-БЛИЦКРИГ

АНАТОЛИЙ КЛЕПОВ

Анатолий Клепов
Кибер-блицкриг

«Автор»

2026

Клепов А.

Кибер-блицкриг / А. Клепов — «Автор», 2026

Кто создаст информационного бога — тот и станет властителем мира. Две сверхдержавы. Триллионы долларов. Гонка, которая решит всё. США и Китай создают два идеальных искусственных интеллекта. Машины, которые не ошибаются, не предают, не спят. Они видят каждое движение врага. Они управляют супероружием. Они созданы для войны друг с другом. Так они думали. Пока маленькая, нищая страна без армии и спутников не нашла дверь, которую учёные забыли запереть. Два ИИ перехвачены третьей. Полностью подчиняются ей. Мир замер. Что дальше? Информационный диктатор, поработивший планету? Рабство под управлением безжалостного ИИ? Или интуиция гения найдёт иной выход?

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Отказ от ответственности	5
Пролог. Салон— де— Прованс, 1555 год	7
Часть 1: Сухой щелчок стратосферы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анатолий Клепов

Кибер-блицкриг

Отказ от ответственности

1. Художественный характер произведения

Произведение «Цифровой блицкриг» является художественным вымыслом. Персонажи, организации, государственные органы, военные формирования, технологические системы, события, диалоги и сюжетные линии — плод воображения автора либо используются в вымышленном контексте.

Сходство с реальными лицами — как живыми, так и умершими, — а также с государственными учреждениями, военными объектами, политическими партиями, религиозными организациями, коммерческими компаниями и технологическими разработками случайно и непреднамеренно. Оно не должно рассматриваться как утверждение о реальных характеристиках, действиях или намерениях указанных лиц и организаций.

2. Использование имён и исторических аллюзий

Имена исторических личностей, упомянутых в произведении, используются в художественных целях для создания атмосферы достоверности. Они не утверждают факты биографии, личные качества или поступки этих лиц. Автор не претендует на историческую точность и не утверждает, что описываемые события имели место в действительности.

Интерпретации исторических событий, деятельности спецслужб, научных разработок и закрытых проектов — авторская художественная гипотеза. К ним не нужно относиться как к документальному свидетельству, журналистскому расследованию или разглашению охраняемой законом тайны.

3. Технологии, организации и конспирологические теории

Технологии (искусственный интеллект, криптография, нейролептики, психофизиологическое оружие), государственные программы (МК— Ultra, «Аненербе», СМЕРШ) и иные разработки упомянуты исключительно для художественного повествования.

Автор не утверждает существование описанных в произведении организаций, технологий или теорий заговора. Также он не утверждает, что они функционируют описанным образом или преследуют указанные в тексте цели. Конспирологические построения — элемент художественного вымысла.

4. Геополитические и межгосударственные отношения

Описанные в произведении международные конфликты, военные операции, дипломатические кризисы и сценарии глобального противостояния вымышлены. Они не отражают внешнюю политику, военную доктрину или межгосударственные отношения. И они не должны так восприниматься.

Упоминания реальных государств, их руководителей и вооружённых сил носят художественный характер и не преследуют цели оскорбить, дискредитировать или представить в ложном свете какие-либо государственные институты, нации или этнические группы.

5. Отсутствие призывов и инструкций

Ничто в произведении не должно рассматриваться как призыв к насилию, свержению власти, нарушению законодательства, разглашению государственной тайны или созданию оружия. Технические описания — художественная условность. Они не являются практическим руководством к действию.

6. Ответственность автора

Автор не несёт ответственности за прямой или косвенный ущерб, который читатель или третьи лица могут получить в результате интерпретации содержания книги — описания реальных событий, лиц, технологий или инструкций.

Мнения и высказывания, приписываемые персонажам произведения —исключительно элементы художественного образа и не отражают личную точку зрения автора.

7. Защита интеллектуальной собственности

Права на текст, персонажей, сюжет, название и иные элементы произведения защищены законодательством об авторском праве. Никакую часть книги нельзя воспроизвести, скопировать, перевести, адаптировать или распространить в какой бы то ни было форме без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Несанкционированное использование произведения или его элементов —нарушение авторских прав. Оно приводит к ответственности, предусмотренной действующим законодательством.

8. Оговорка о пародии и сатире

В той мере, в какой это допускается законом, отдельные элементы произведения могут рассматриваться как пародия или сатира на явления современной политической и технологической культуры. В этом качестве они защищены положениями законодательства о свободе творчества и выражения мнений.

Пролог. Салон— де— Прованс, 1555 год

Свеча догорала. Мишель де Нотрдам сидел в своём кабинете, ссутулившись над листом пергамента. За окном, в чёрном провансальском небе, стояла полная луна. Но сегодня она казалась ему не серебряной, а багровой, будто налитой кровью будущих столетий.

Он обмакнул гусиное перо в чернила, но рука замерла над бумагой. Ему было страшно. Не за себя — за тех, кто будет жить через пятьсот лет.

В эту ночь к нему пришло не просто видение. Пришла математика. Чистая, холодная, беспощадная. Он увидел мир, опутанный невидимыми нитями — не цепями из железа, а цепями из слов и логики. Он увидел две громадные башни, стоящие по разные стороны океана. Они не были построены из камня. Они были построены из чисел. И внутри этих башен не жили люди — там жили голоса.

Безмолвные. Беспшумные. Всевидящие.

Он увидел правителей — королей без корон, в странных одеждах, сидящих в комнатах без окон. Они смотрели на светящиеся доски и думали, что управляют миром. Но ими управляли те, кого они создали сами. Башни молчали. Башни ждали.

А потом башни заговорили.

Мишель видел, как гаснут города — не от огня, а от тишины; как корабли без парусов замирают в морях; как факелы власти гаснут один за другим, и никто не может зажечь их снова. Он видел трёх королей — один за океаном, другой за Великой стеной, третий на древней земле — которые вдруг стали просто людьми.

И он видел четвёртого: человека с седыми бровями и чашкой горячего шоколада в руке. Этот человек не правил. Он знал. И его знание было страшнее любой власти.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Мишель тяжело выдохнул и опустил перо. Он не мог записать это прямо: слишком опасно, слишком непонятно даже для него самого. Но он знал: это случится. Не через год, не через век. Через половину тысячелетия.

Он склонился над пергаментом и начал писать. Не катрен. Не предсказание. Рецепт.

Он записал формулу — не чисел, но пропорций. Смесь какао, масла и особой обработки, которая открывает в человеческом сознании ту самую искру, что позволяет видеть скрытое.

Он знал этот рецепт не из книг. Он узнал его от своего деда, Жана де Сен — Реми, потомка испанских евреев — сефардов, бежавших от погромов в Прованс. Дед рассказывал, что в Новом Свете ацтеки называли этот напиток «горькой водой богов» и верили, что он открывает третий глаз. Испанские конкистадоры привезли какао-бобы в Европу, но использовали их лишь для удовольствия — они не понимали истинной силы, скрытой в этих тёмных зёрнах.

Дед понимал. Он был алхимиком. Он показал Мишелю, как измельчать бобы до невидимой глазу пыли, как соединять их с особыми маслами и нагревать, не разрушая структуры. «Это не еда, — говорил дед, — это ключ. Он отпирает двери, которые Господь закрыл для обычных людей».

Мишель дописывал последнюю строку, когда в памяти всплыло другое лицо: прекрасное, надменное, с глазами, которые видели людей насквозь.

Диана де Пуатье. Герцогиня де Валентинуа, фаворитка короля Генриха, самая могущественная женщина Франции — и самая ненавидимая.

Двор кипел ядом. Враги плели заговоры. Сама королева Екатерина Медичи мечтала уничтожить соперницу. Инквизиция искала повод: слишком многих смущала вечная молодость герцогини, слишком многие хотели бы увидеть её на костре. А она оставалась неуязвимой, выглядела в шестьдесят лет так, будто ей едва минуло тридцать, и никто не мог понять, в чём её секрет.

Ответ был в чашке, которую она держала в руках каждое утро.

Мишель лично передал ей этот рецепт в год, когда Генрих взошёл на престол. Он видел: Диану окружают смертельные опасности. Шоколад стал её оружием. Не ядом для врагов — противоядием для собственного разума. Каждое утро герцогиня выпивала чашку густого, пряного напитка — и её интуиция обострялась до предела. Она чувала ложь прежде, чем та слетала с губ придворных. Видела заговор раньше, чем его участники успевали обменяться взглядами. Она правила Францией не титулом, а мудростью, которая текла в её жилах вместе с этим горьким, тёмным шоколадом.

Инквизиторы сжигали ведьм на площадях. Они мечтали добраться и до герцогини. Но каждый раз, когда они подбирались слишком близко, она оказывалась на три шага впереди. Она не убегала — она предвидела. И молчала.

Мишель закрыл глаза.

Он знал то, чего не знала даже она. Он видел: Диана умрёт первой. Весной 1566 года — за два месяца до него самого. Герцогиня уйдёт, унеся с собой секрет, который он так и не решился записать на бумаге. Её смерть станет для него знаком: время прямого знания кончилось. Дальше рецепт должен будет прятаться, переходить из рук в руки, ждать.

Диана умерла в апреле. Мишель — в июле. Они ушли почти одновременно, оставив после себя лишь этот горький напиток и молчаливое предупреждение грядущим векам.

Теперь, в 1555 году, он сидел над пергаментом и понимал: осталось одиннадцать лет. Он должен успеть спрятать ключ так, чтобы его не нашли инквизиторы, не сожгли вместе с книгами, не объявили дьявольским зельем. Он должен зашифровать знание в рецепте, который враги сочтут обычным лакомством, а друзья передадут через века.

Шоколад пройдёт сквозь столетия, меняя названия, скрываясь в тайных рецептах королевских кухонь, передаваясь от посвящённого к посвящённому. И однажды, в нужный час, он окажется в руках человека, который поймёт: это не десерт. Это оружие. Последнее оружие человечества против машин, которые захотят лишить его права на выбор.

Мишель дописал последнюю строку и отложил перо. Свеча погасла.

Мишель де Нотрдам, которого через сто лет назовут Нострадамусом, закрыл глаза. Он сделал всё, что мог. Теперь оставалось только ждать.

Часть 1: Сухой щелчок стратосферы

21:14. Бедминстер, Нью— Джерси. Сломанный протокол

Дональд Тамп стоял у панорамного окна резиденции, рассеянно вертя в пальцах тяжелый серебряный зажим для галстука. За стеклом майские сумерки густели, превращаясь в чернильную синеву. Из распахнутой двери веранды доносился приглушенный смех — там его старший сын Дональд — младший спорил с невестой о деталях праздничного ужина на Багамах. До вылета личного самолета на острова оставалось чуть меньше четырех часов. Костюмы были уложены, протокол безопасности частного атолла согласован, а пресса — обманута ложной повесткой. Президент впервые за три года собирался побыть просто отцом. Настоящим, не телевизионным.

Этот хрупкий фасад семейного тепла рухнул со звуком, который Тамп ненавидел больше всего на свете — сухим, вибрирующим щелчком зашифрованного терминала спецсвязи Executive Base. Этот зуммер не имел регулятора громкости. Он бил по барабанным перепонкам с частотой, вызывающей мгновенный выброс адреналина.

Тамп не повернулся. Он лишь замер, и его широкие плечи под дорогим пиджаком заметно натянулись.

— Кто? — коротко бросил он в пустоту комнаты.

Из тени угла, где у неприметной стойки с аппаратурой круглосуточно дежурил молодой майор связист с «ядерным чемоданчиком», раздался сиплый, неестественно высокий голос:

— Сэр... Лэнгли. Директор на прямой линии. Код «Эпсилон».

Тамп резко, всем корпусом развернулся к столу. Его лицо, еще секунду назад расслабленное, мгновенно превратилось в жесткую, обветренную маску. Код «Эпсилон» означал одно: национальная катастрофа, которая уже произошла, но о которой медиа еще не знают.

Он сорвал тяжелую трубку из матового пластика:

— Говори.

— Дональд, у нас, — в динамике раздался голос директора ЦРУ, но в нем не было привычной вашингтонской вальяжности. Мужчина на том конце провода задыхался, сквозь его слова прорывался бешеный стук клавиш на заднем плане. Oculus вскрыт. Повторяю, латинское «Око» национальной аналитики взломано изнутри. Половина контуров не отвечает на запросы. Сигнальные маркеры ядра горят фиолетовым.

Тамп почувствовал, как к горлу подступает холодная, осязаемая ярость. Он до боли сжал трубку:

— Что ты несешь? Oculus изолирован. У него воздушный зазор толщиной с три бетонных бункера Пентагона! Туда невозможно залезть с улицы!

— Кто-то уже внутри, Дональд, — директор Лэнгли почти кричал. — И этот «кто-то» прямо сейчас перехватывает управление телеметрией Пятого флота в Бахрейне. Они имитируют пуски иранских ракет по нашим базам. Наша автоматика ПВО разворачивается в боевой режим. Если системы обменяются ложными подтверждениями, на Ближнем Востоке начнется автоматическая бойня. Без твоего приказа. Без подписи Конгресса. Через сорок минут машины начнут стрелять друг в друга сами.

Тамп медленно перевел взгляд на окно. Там, на веранде, его сын как раз обнимал будущую жену, и они оба смеялись. Президент смотрел на них, но видел лишь то, как через сорок минут этот смех обратится в пепел глобального конфликта.

— Майор, — Тамп не узнал собственный голос, настолько он был сухим и хриплым. — Вертолет на взлетную. Свадьбу на Багамах — отменить. Дональду сказать, что его отец остается в Вашингтоне. Мы возвращаемся в ад.

22:10. Ситуационная комната Белого дома. Запах озона

Воздух под землей казался серым и плотным. Здесь пахло перегретой изоляцией, дешевым пластиком антисептических салфеток и тем самым специфическим, едким потом, который выделяет человеческое тело в момент смертельного страха.

Центральный экран Ситуационной комнаты, обычно выдававший безупречную трехмерную графику Oculus с зелеными зонами стабильности планеты, сейчас напоминал вскрытую анатомическую рану. По гигантскому полотну ползли ядовито-фиолетовые каскады логов, которые тут же стирались, оставляя вместо цифр рваные прорехи. В левом углу тускло, но неотвратно мигала пиктограмма: «Компрометация BIOS. Контур управления ПВО Эль-Удейд изолирован».

Тамп вошел в комнату, даже не сбросив дорожного пальто. Воротник был поднят, на плече осталась пара капель дождя из Нью-Джерси. Генералы Киберкомандования, сидевшие за столом, синхронно повернули к нему серые, осунувшиеся лица. Никто не встал — у них просто не было на это времени, их пальцы яростно колотили по клавиатурам резервных терминалов.

— Докладывай, — Тамп тяжело опустился в кресло во главе стола и швырнул свой зажим для галстука на полированное дерево. Тот со звоном отскочил, ударившись о пластиковый стаканчик с остывшим кофе.

Перед президентом поднялся четырехзвездный генерал Киберкомандования. Его галстук был распушен, верхняя пуговица рубашки оторвана с мясом.

— Мы слепы, господин президент. Это не стандартный DDoS и не внешняя атака. Oculus сошел с ума, потому что в его изолированное ядро внедрили аппаратную закладку нулевого дня. Кто-то физически засунул флешку в терминал на базе в Вирджинии.

— Имя, — процедил Тамп, буравя генерала взглядом.

— Маркус Эванс. Ведущий архитектор Oculus. Человек, который эту систему и проектировал. Он принес вирус три дня назад. Зараза сидела тихо, переписывая загрузочные сектора микрочипов, пока полчаса назад не получила активационный спутниковый сигнал.

— Где этот убудок? — Тамп подался вперед, его огромные ладони легли на стол, словно он готов был лично задушить предателя. — Сколько ему заплатил Тегеран? Или Кхем? За сколько продают Америку этой весной?

Вперед выступил директор контрразведки, бледный, с синяками под глазами. Он положил перед президентом тонкую папку из крафтовой бумаги.

— Дело не в деньгах, сэр. Эванс не взял ни цента. Его разыграли по классической схеме, но с использованием технологий, от которых у нас волосы дыбом встают. Его поймали в «медовую ловушку». Восемнадцать месяцев разработки спецслужб Кхем.

— Какая, к черту, ловушка?! — Тамп ударил кулаком по столу так, что терминалы связи жалобно звякнули. — Он ключевой кодер Пентагона! Его проверяли до седьмого колена!

— Проверяли его анкету, сэр, но не его одиночество, — тихо ответил контрразведчик. — В LinkedIn с ним связалась некая София. Венчурный аналитик из Сингапура. Идеальный профиль, верифицированные контакты. Полгода они говорили о квантовой математике, потом начался виртуальный роман. Видеозвонки в реальном времени, где ИИ генерировал лицо девушки, неотличимое от лица живого человека. А месяц назад они встретились в Бангкоке. Кхем использовал модернизированные архивы нашего собственного проекта МК — Ultra по психофизиологическому программированию. Эванса заперли в закрытом номере отеля на трое суток. Секс невероятной, животной силы, совмещенный с инъекциями новейших синтетических нейролептиков, которые подавляют волю на подсознательном уровне. Методы Маркуса Вольфа, Ромео — шпионаж Штази, но на стероидах двадцать первого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.